

Комментарий к Определению Арбитражного суда г. Москвы от 18.02.2022 г. по делу № А40-4463/20 (опубликован в виде статьи «Правопреемство по третейскому соглашению» 14.03.2022 г. в 20:49 на сайте zakon.ru).

18 февраля 2022 года Арбитражный суд г. Москвы (далее – АСГМ) вынес определение об отказе в удовлетворении заявления ОАО «МАГЭ» (далее – заявитель) об отмене решения Морской Арбитражной Комиссии при ТПП РФ (далее – МАК) и выдаче компании «Dolphin Konkursbo» (далее – конкурсное юридическое лицо), исполнительного листа. Определение от 18.02.2022 г. знаменует собой начало второго раунда судебных разбирательств по отмене решения МАК. Несмотря на то что предмет судебного исследования состоял из нескольких доводов, приведенных заявителем в пользу отмены решения МАК, настоящий комментарий будет посвящен только одному из них, а именно правопреемству по третейскому соглашению.

В первом раунде судебных разбирательств (Определение от 26.02.2021 г.) АСГМ пришел к выводу о том, что права и обязанности по третейскому соглашению, заключенному между заявителем и компанией «Dolphin» (далее – компания-банкрот), не перешли к конкурсному юридическому лицу, выступавшему в качестве заинтересованного лица в судебных разбирательствах по отмене решения МАК. Арбитражный суд Московского округа (далее – АС МО) не согласился с данным выводом, поскольку он был сделан в результате применения российского права, без учета применения норвежского права, являющегося личным законом компании-банкрота и регулирующего вопросы его правопреемства. В итоге АС МО отменил решение суда первой инстанции и направил дело на новое рассмотрение. При новом рассмотрении дела АСГМ поддержал позицию конкурсного юридического лица по вопросу о правопреемстве, т.е. признал, что третейское соглашение распространяет свое действие на конкурсное юридическое лицо.

Чтобы разобраться в сути разногласий между спорящими сторонами, необходимо дать краткое описание фактических обстоятельств, относящихся к вопросу правопреемства по третейскому соглашению. Как следует из материалов дела, 30.04.2015 г. между заявителем и компанией-банкротом был заключен договор на выполнение морских сейсморазведочных работ (далее – Договор), содержащий третейскую оговорку о передаче споров на разрешение в МАК. Следует отметить, что Договор также предусматривал оговорку о выборе российского права в качестве применимого права, и действие этой оговорки распространялось на разрешение споров, т.е. третейскую оговорку. В ходе исполнения Договора компания-банкрот заявила о своей добровольной ликвидации в связи с несостоятельностью, о чем 14.12.2015 г. Окружной суд г. Осло вынес решение, которым назначил ликвидатора компании-банкрота. 31.12.2015 г. между заявителем и компанией-банкротом было заключено Дополнительное соглашение № 2 (далее – ДС 2), подписанное со стороны компании-банкрота ликвидатором.

Возбуждение третейского разбирательства конкурсным юридическим лицом объясняется особенностями норвежского законодательства о банкротстве, в соответствии с которым все активы, имеющиеся на момент начала процедуры банкротства у компании-банкрота, за некоторыми исключениями, подлежат изъятию в пользу конкурсного юридического лица, к которому переходят права компании-банкрота. Таким образом, по мнению конкурсного юридического лица, произошло правопреемство от компании-банкрота к конкурсному юридическому лицу. При новом рассмотрении дела заявитель привел следующие доводы против этого утверждения: 1) правопреемство от компании-банкрота к

конкурсному юридическому лицу не осуществляется автоматически; 2) конкурсное юридическое лицо не выразило четкое волеизъявление на вступление в Договор в его целостности; 3) не было представлено доказательств, что конкурсное юридическое лицо приступило к завершению работ. Еще ранее, в первом раунде судебных разбирательств, АСГМ обобщил мнения двух специалистов по норвежскому праву, привлеченных спорящими сторонами, и сформулировал в числе прочих следующие выводы, в которых более четко прослеживается позиция заявителя: 1) компания-банкрот не имеет прав самостоятельно распоряжаться никаким из своих активов; 2) если на момент банкротства договорные обязательства не исполнены, то по норвежскому праву конкурсное юридическое лицо должно вступить в договор, исполнить договорные обязательства в соответствии с основным договором, чтобы иметь возможность требовать оплаты работ по договору. По-видимому, ключевое возражение заявителя против позиции конкурсного юридического лица заключалось в том, что материальное правопреемство от компании-банкрота к конкурсному юридическому лицу произошло бы, если ДС 2 было бы подписано ликвидатором от имени конкурсного юридического лица, а не компании-банкрота.

Рассматривая вопрос о правопреемстве от компании-банкрота к конкурсному юридическому лицу, АСГМ и АС МО сформулировали выводы, с некоторыми из которых можно согласиться, а с некоторыми – нет.

Автономность третейской оговорки

В решении МАК приведен тезис о том, что автономный характер третейской оговорки не препятствует переходу прав и обязанностей по ней в порядке правопреемства. Независимость третейского соглашения важна только для сохранения его юридической силы в том случае, когда сам основной договор признается недействительным или незаключенным.

Описанный ход рассуждений и вытекающий из него вывод не могут быть использованы в качестве достаточного обоснования для создания нового правила или свойства какого-либо правового института. Независимость или отделимость третейского соглашения подразумевает под собой особый правовой режим, охватывающий все стадии формирования и проявление воли сторон, направленной на передачу споров в арбитраж. Ограничение этого свойства только некоторыми случаями, указывающими на тщетность сделки, выглядит искусственным упрощением правового регулирования и превращением нормы в избирательную казуистику.

Вместе с тем нельзя согласиться с категоричным утверждением заявителя о том, что судьба третейского соглашения автономна от судьбы основного договора. Не исключены случаи, когда две эти сделки разделяют одну судьбу, к примеру, при подделке подписи на документе, содержащем как договорные условия, так и положения о разрешении споров.

Независимость или отделимость третейской оговорки, понимаемая заявителем абстрактно, приводит его к применению различных правовых норм, регулирующих переход материальных прав в порядке банкротства и процессуальных прав по третейскому соглашению. В первом случае речь идет о норвежском праве, во втором – о российском праве. Любопытно, что ссылка на российское право оказалась выгодной также и для конкурсного юридического лица, поскольку значительное место в Определении от 18.02.2022 г. заняли доводы АСГМ, приведенные в поддержку состоявшегося

правопреемства по третейскому соглашению и основанные на применении российского права.

Автоматическое правопреемство по основному договору и третейскому соглашению

Еще в первом раунде судебных разбирательств конкурсное юридическое лицо построило свою защиту против отмены решения МАК на общем правиле о том, что третейская оговорка является неотъемлемой частью содержания права требования (см. Определение от 26.02.2021 г.). Следовательно, материально-правовое правопреемство по основному договору влечет распространение действия третейского соглашения на правопреемника. Эта позиция была также воспроизведена конкурсным юридическим лицом во втором раунде судебных разбирательств и нашла поддержку со стороны АСГМ.

В Определении от 18.02.2022 г. АСГМ привел перечень источников, перечисленных в решении МАК в качестве обоснования упомянутого выше правила об автоматическом правопреемстве по основному договору и третейскому соглашению: ст. 384 Гражданского кодекса РФ, п. 11 ст. 7 Закона РФ № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» от 07.03.1993 г. (далее – Закон о МКА), п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 53 «О выполнении судами РФ функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» от 10.12.2019 г. (далее – Постановление ВС № 53), Президиума ВАС РФ № 1533/97 от 17.06.1997 г., № 15887/09 от 20.04.2010 г., № 9094/11 от 29.03.2012 г., п. Информационного письма Президиума ВАС РФ от 16.02.1998 г. № 29. Из текста Определения от 18.02.2022 г. следует, что АСГМ выразил свое согласие с выводами МАК по этому вопросу.

Однако в приведенном перечне источников содержится одна серьезная ошибка. Нормативное закрепление правила об автоматическом правопреемстве по основному договору и третейскому соглашению произошло только после внесения изменений в ст. 7 Закона о МКА, которые вступили в силу 01.09.2016 г., т.е. после заключения Договора, содержащего третейскую оговорку, и предполагаемой перемены лиц в материально-правовом обязательстве от компании-банкрота к конкурсному юридическому лицу. Таким образом, ссылка на п. 11 ст. 7 Закона о МКА и п. 25 Постановления ВС № 53 в качестве правового обоснования автоматического правопреемства по основному договору и третейскому соглашению, неправомерна.

Что касается самого правила, то оно представляется неудачным, так как не учитывает все разнообразие ситуаций, когда сингулярное или универсальное правопреемство по основному договору не всегда означает автоматический переход к новому кредитору прав и обязанностей по третейскому соглашению. Теоретическая несостоятельность подобных попыток упростить правовое регулирование отношений, связанных с переменой лиц в третейском соглашении, продемонстрирована автором настоящей статьи в монографии «Третейское соглашение» 2009 г. Обстоятельства комментируемого дела служат подтверждением позиции автора. Даже краткое изложение норвежского права по вопросам банкротства в Определениях от 18.02.2022 г. и 26.02.2021 г. свидетельствует о необходимости соблюдения определенных формальностей для вступления конкурсного юридического лица в договорные отношения компании-банкрота с его контрагентами.

Право, подлежащее применению к перемене лиц в третейском соглашении

Как было сказано выше, АСГМ отменил решение МАК в первом раунде судебных разбирательств, придя к выводу о том, что права и обязанности по третейскому соглашению между заявителем и компанией-банкротом не перешли к конкурсному юридическому по российскому праву. АС МО не согласился с данным выводом и дал указание суду первой инстанцией применить коллизионные нормы ст. 1202 Гражданского кодекса РФ и установить содержание норм норвежского права относительно правопреемства по третейскому соглашению при новом рассмотрении дела.

Выполняя указание АС МО, АСГМ поставил на первое место личный статут юридического лица для решения вышеназванной коллизионной проблемы. Фактические обстоятельства комментируемого дела, сложившиеся при переходе прав и обязанностей по Договору от компании-банкрота к конкурсному юридическому лицу, соответствовали одним из вопросов, подпадающих под сферу действия данного статута, а именно вопросам ликвидации юридического лица, в том числе вопросам правопреемства, как это указано в подпункте 4 пункта 2 ст. 1202 Гражданского кодекса РФ. На норвежское право указывала коллизионная привязка «закон инкорпорации», т.е. право страны, в которой была учреждена компания-банкрот.

Установив содержание норвежского права по вопросам банкротства, АСГМ пришел к выводу о том, что материально-правовое правопреемство по Договору произошло. Следуя правилу об автоматическом правопреемстве по основному договору и третейскому соглашению, АСГМ распространил действие третейской оговорки и на конкурсное юридическое лицо.

С таким подходом можно согласиться лишь отчасти. Исходя из обстоятельств дела, можно признать, что в данном конкретном случае Договор и содержащаяся в нем третейская оговорка разделяет одну судьбу в отношении конкурсного юридического лица, поскольку для него представляет важность лишь одно обстоятельство – способ заключения ликвидатором ДС 2. Вместе с тем вызывает удивление подчинение третейского соглашения двум правопорядкам: норвежскому праву в силу применения личного статуса компании-банкрота и российскому праву как праву, выбранному сторонами.

Поскольку материальное правопреемство носило универсальный характер и произошло в силу закона, а не сделки, любые договоренности сторон о применимом праве или запрете на переход прав по Договору не подлежат применению. Личный статут юридического лица, будучи императивной коллизионной нормой, указывает только на один правопорядок, разрешающий коллизионную проблему – норвежское право.